

ОПЕРАЦИЯ «Ы» И ДРУГИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РЕДАКТОРОВ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

АЛЕКСА ДЕ КЛЕМЕШЬЕ И ЮСТИНЫ ЮЖНОЙ

Приветствуем всех поклонников «Вселенной Метро 2033»!

Ровно два года назад мы пришли в издательство, подхватив знамена из рук прежних редакторов серии — ведущего и выпускающего. Нельзя сказать, что наши пути к занимаемым должностям были predeterminedены и закономерны. Скорее наоборот — они совсем не походили на прямые туннели от одной станции подземки до другой. У каждого из нас был свой опыт, своя база, свои предпочтения. До работы в редакции «Жанры» ни один из нас и предположить не мог, что однажды настолько тесно соприкоснется с миром постапокалипсиса. Наверное, наше постепенное погружение в перипетии «Вселенной Метро» можно сравнить с реакцией выжившего, которого судьба забросила на другую линию метрополитена: вроде в целом все понятно и знакомо, однако в частностях могут различаться не только установленные местной администрацией законы, но и некоторые нормы поведения на отдельно взятых станциях. Чуть что не так, чуть

не туда наступил или не то сказал — и старожилы не простят. А наибольшее беспокойство доставляло незнание многолетней истории этой новой для нас ветки.

К счастью, рядом постоянно находились люди, готовые поделиться и рассказами о прошлом, и своим видением будущего. Вы их прекрасно знаете: Вячеслав Бакулин, Вадим Чекунов, Анастасия Калябина — те самые редакторы, благодаря которым межавторский проект родился, развился и достиг невероятной популярности. Всегда безотказно приходил на помощь картограф проекта Леонид Добkach. Подставляли нам плечо и замечательные писатели, которых вы знаете на протяжении многих лет; мы же, даже если и были с ними знакомы, воспринимали их в совершенно другом качестве. Тем не менее за два года мы узнали их куда ближе и с большим удовольствием выпустили романы Шимуна Врочека, Сергея Антонова, Анны Калинкиной, Игоря Вардунаса, Дмитрия Манасыпова, Сергея Недоруба и многих, многих других. Разве можно было не полюбить мир, придуманный Дмитрием Глуховским, когда расширением границ этого мира занимались такие классные авторы?

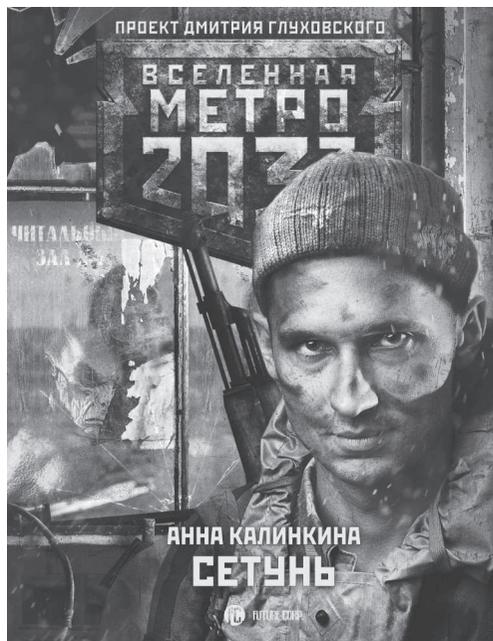
Но сегодня речь пойдет не о тех, кого читатели знают по прежним романам проекта, а о тех, кто влился в число авторов серии в этом году. В конце концов, могли же мы за два года настолько осмелеть, чтобы предложить вам имена, которые пока не на слуху у поклонников серии? Помнится, со сборником «Они не те, кем кажутся» эта штука сработала.

Не так давно в продаже появился «Крысиный король» дебютанта Алексея Головенкова, а сейчас перед вами книга, написанная творческим тандемом — Анной Ветлугиной и Дмитрием Максименко. Анна и Дмитрий не только писатели, но и профессиональные музыканты, органисты, много лет выступающие дуэтом, так что работать вместе для них дело привычное, и понимают они друг друга, надо полагать, даже не с полуслова, а с одной шестнадцатой ноты. Что, вероятно, сыграло немаловажную роль в создании ярких образов и поистине закрученного сюжета

«Свидетелей Чистилища». Найдете ли вы в их произведении что-то новое, чего не было еще ни в одной книге серии? Непременно. Захотите ли однажды прочесть продолжение? Мы на это надеемся. А впрочем, предпочтения читателей непредсказуемы и непостоянны, и тут весьма уместно процитировать фрагмент объяснительной записки Вячеслава Бакулина, написанной много лет назад, но не потерявшей точности формулировок и актуальности: «Кто-то скажет “да”, кто-то, увы, “нет”, и это совершенно нормально. Главное, что вам по-прежнему не все равно и вы ждете новых книг: окончания старых историй и начала новых».

Очень хотелось бы, чтобы этот роман стал для вас ярким, сочным аккордом, исполненным в четыре руки, и его звучание обратилось поводом ждать новых встреч с выжившими.

P.S. Ах да, почему «Операция “Ы”»? Ответ на корешке книги. Ну и чтоб никто не догадался. ;о)

Сетунь — древнее таинственное место на территории нынешней Москвы. Предания прошлого смешиваются здесь с историями настоящего и будущего, и, несмотря на произошедшую Катастрофу, тут кипят нешуточные человеческие страсти. Михаил с детства любит Светлану, и даже Катастрофе не удалось разлучить их. Но жизнь в метро у них не заладилась, так что они находят убежище в подвале одного из домов на берегу Сетуни. Светлана убеждена, что поблизости — старинное капище, место силы. Однако слишком поздно понимает, что сила эта — недобрая. Ведь иначе ужасам, творящимся вокруг, трудно найти объяснение. Но, может быть... может быть, люди во всем виноваты сами?

Цель охотника за головами проста — найти преступника и отдать в руки правосудия. Если не получается живым — тогда предъявить частями, подходящими под опознание.

Добытые в ходе последнего рейда сведения выводят бывалого наемника на след кровного врага. И без того сложная задача грозит стать вовсе невыполнимой. Чтобы добиться нужного результата, придется одолеть сотни километров песчаных равнин Южного Казахстана...

Спокойная жизнь в подмосковном поселке изменилась в одночасье с появлением на болоте кровожадной твари. С ней не могут сравниться даже волкодлаки, время от времени пробирающиеся на территорию поселка. Противостоять зову твари не удастся никому.

Но Тимур, кажется, нашел способ.

Взяв с собой двух друзей, он отправляется в Москву, где надеется отыскать помощь.

Пролог

Если опустить веки, на какую-то минуту и впрямь покажется, что ты в лесу. Только звуки отсутствуют — ни пения птиц, ни стука дятла, ни шипения ветра наверху, в мириадах сосновых иголок. Зато запахи какие! Тут тебе и отсыревшая, будто после затяжного ливня, древесная кора, и не избалованная сентябрьским солнцем земля, и прелая прошлогодняя трава, приподнятая липкой шляпкой масленка. Грибной дух — самый густой, самый настырный...

Но если вновь открыть глаза, окажется, что вовсе не опавшая хвоя пружинит под ногами. И не шершавых вековых стволов касаются твои плечи, а заскорузлой каменной кладки с торчащими из трещин клочьями мха. Лёса, до сих пор стоящего перед внутренним взором, тут нет и никогда не было. Реален только древний подземный ход, влажная духота и смесь ароматов. И шепот, зовущий из темноты:

— *Иди сюда-ааа, иди ко мне-еее, здесь так уютно-ооо...*

Мужчина, давший себе пару минут на передышку, вновь взвалил на плечи бесчувственное тело и пробормотал в ответ:

— Я уже здесь. Я принес тебе подарок. Снова.

— *Погаси све-еет, здесь так хорошо, когда нет света-ааа...*

Мужчина чертыхнулся и выключил налобный фонарик. Хоть бы раз увидеть обладателя зовущего из темноты голоса! Хоть бы

раз посмотреть в глаза своему мучителю и благодетелю! Тому, кто дарит невыносимое наслаждение, еще более невыносимую боль и повелевает мыслями.

Мужчину уже минут десять била крупная дрожь: не то от перенапряжения (тело назначенного на роль жертвы оказалось неожиданно увесистым, из-за чего и пришлось делать коротенький привал), не то от нервов. Он и стремился поскорее окунуться в густой, вязкий, непроглядный мрак, и безумно боялся этого. Снова боялся. Он давно уже сбился со счета, сколько «подарков» заставило его принести невидимое подземное божество, пахнувшее осенним лесом, студеной водой, гнилушками и грибами.

Без фонарика — хоть глаз выколи, но стены узкого коридора не дадут сбиться с пути: здесь нет ответвлений, ниш, дверей и поворотов, не ошибешься.

Приближение самого ответственного момента он почувствовал загодя, за несколько шагов до нужного места. Еще десяток метров вперед, на одной лишь силе воли — и трепетание в груди сменилось неистовым стуком сердца. Жертва на плечах застонала, задергалась... Здесь не было никаких меток, никаких видимых или ощутимых признаков окончания пути, никто не подсказывал ему, где именно следует остановиться, но он знал, что прибыл к цели. Он каждый раз находил это место в кромешной тьме. Или, вернее, его каждый раз *приводили* в это место.

Пора!

Мужчина скинул на каменный пол «подарок». Что-то накатывало из темноты с противоположного конца коридора, накатывало, накатывало... Истошный крик мужчины слился с криком жертвы.

Целую вечность спустя он осознал себя бредущим обратно. Тело он волочил за собой за обе ноги — оно будто бы стало килограммов на двадцать легче, хотя мужчина знал, что, выйдя на свет, вновь не обнаружит на трупе никаких видимых повреждений. Подземное божество *высасывало* приносимые «подарки», но что именно высасывало, какую субстанцию, какие биотоки или что-то еще более метафизическое, он понятия не имел. Кожа не повреждена, кровь на месте (проверено неоднократно!), внутрен-

ности тоже в наличии... вроде бы... и все же вес жертвы всякий раз становился таким, что покойника уже спокойно можно было тащить волоком по щербатым булыжникам пола.

Он не сумел бы описать, что происходило с ним всякий раз, стоило явиться в подземелье. Нечто страшное, да, наверняка нечто страшное. Божество что-то делало с его телом, с его разумом, с его памятью. Это было... надругательство? Наверное, можно сказать и так. Вот только никаких доказательств обнаружить не удавалось. Лишь смутные сгустки темноты, облепившей лицо, оставались в памяти. Лишь ускользающее ощущение прохладных пальцев или тонких щупалец на разгоряченной коже...

Да и что дали бы те доказательства? Возможно, это как раз тот случай, когда подробностей лучше не знать? В ушах еще долго стоял крик — его собственный крик, потому что вопли жертвы довольно быстро переходили в хрипы, затем в едва слышный шип, затем вовсе смолкали. А сам он, по всей видимости, кричал не переставая. Захлебываясь болью и блаженством. Содрогаюсь от ужаса и экстаза. До самого конца экзекуции. До самого конца унижения и наслаждения. А потом не мог вспомнить, как ни напрягался, что именно проделывало с ним беспощадное чудовище. Но уж лучше так, чем поменяться местами с жертвой — *высосанной*, опустошенной, окончательно и бесповоротно мертвой.

Как поступить с покойным, он уже не задумывался: это была хорошо отработанная схема. Главное — оставить тело в нужном месте, а дальше о нем позаботятся. Кто и как? Ну, увольте, это не его головная боль. Куда важнее, что *после* уже никто не свяжет эту жертву с ним.

Мужчина часто задумывался, что может произойти, найди он в себе силы отказаться от этой зависимости, слишком смахивавшей на наркотическую, когда и масштаб трагедии осознаешь, и ограничить себя не в состоянии. Что будет, если в следующий раз, почуяв зов божества, он не выйдет на новую охоту, а пересилит себя, спрячется, уйдет на безопасное расстояние?

Тогда велика вероятность, что однажды кто-то другой притащит его сюда на плечах. В качестве подношения. В качестве «подарка».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Труп дороги медленно, но верно поедала хищная растительность. Трехметровые борщевики тут и там прокалывали остатки асфальта, будто телевизионные антенны из далекого барнаульского детства: я любил лазить с пацанами по крышам, где похожих «зонтов» на длинных дюралевых ножках имелось с избытком. Прямо передо мной один из таких мутировавших монстров пророс сквозь прогнившую крышу легковушки, навсегда припарковавшейся возле подъезда. Наверняка когда-то владелец был горд этим белоснежным продуктом известного немецкого автоконцерна. Хотя в самой Германии данную марку не особо уважали. Даже шутка ходила: дескать, если такую машину оставить ночью в лесу, будет слышно, как она *ржавеет*. Я прислушался: и впрямь что-то слышно. Хотя, скорее всего, это покачиваемый ветром борщевик скребет трухлявый кузов.

Метрах в ста по курсу в дорожном покрытии виднелась широкая трещина, заполненная черной жижей, над которой клубился зеленоватый туман. Хорошо, что нам туда не надо. Как бы ни убеждали сталкеры, что заражение практически сошло на нет, на поверхности все еще можно было встретить объекты и предметы, контакт с которыми гарантировал дозу. Может, там,

посреди дороги, и не туман вовсе, а рой мелкой фруктовой мошкары над сгнившим яблоком — то есть ничего опасного. А может, и впрямь токсичные испарения. Так, пожалуй, вдохнешь зеленоватое марево, а к вечеру последние легкие выкашляешь. И никакой респиратор не спасет.

Слева внезапно зашевелилась стена ядовитого плюща, покрывавшего торец пятиэтажки. Мы с Жоркой замерли; брат приподнял зажатую в кулаке фомку, я посподручнее перехватил лом. Меж спутанных стеблей на уровне третьего этажа показался внушительный клюв, а потом и его обладатель, махом сиганувший сверху в густую траву возле дома. Шлепок получился такой, будто из окна выкинули мешок с картошкой. Воробышек. Размером с барашка, весом под семьдесят кэгэ, совершенно безобидный и, к сожалению, абсолютно несъедобный. Мы подождали, пока он, топорща перья, проскачет за угол, и снова двинулись вперед.

Тут и там лес вторгался на территорию города, возвращал себе некогда отвоеванные людьми позиции. В той стороне, куда ускакал воробышек, виднелся трехъярусный еловый «светофор»: вровень с крышами торчали верхушки, напоминавшие о новогодних праздниках и цветом, и своей геометрической правильностью; средний ярус занимали деревья с кривыми стволами и желтой хвоей — поколение, родившееся сразу после Катастрофы и толком не прижившееся на пропитанной токсинами почве; понизу же шли елочки с ярко-красными иголками и извивающимися змейкой, а то и закрученными в спираль ветвями — эти чувствовали себя вполне комфортно, и я бы не удивился, если бы через пару десятков лет именно они вытеснили настоящий, еще довоенный ельник.

Я в первый раз решился пойти так далеко по поверхности, хотя местные уже год как начали активно вылезать, из Могильника в Могильник в гости ходят, проповедники к нам то и дело заглядывают. Однако Жора не советовал подолгу снаружи оставаться: припекает же еще, пусть и слабенько совсем. Зачем рисковать? Правда, говорили, что возле Гуслицкого монастыря ра-